

Глава 27.

Наступление июня этого лета казалось медленным и тяжелым.....

Воздух был наполнен гнетущей атмосферой, тени смерти и дым от выстрелов все больше и больше распространялись по земле.

Вскоре вражеские войска открыли второй европейский фронт в Нормандии.

Затем пришло известие, что отец Гейна погиб в бою.....

В тот момент, когда в него попала пуля, он сжимал в руке фотографию своего сына.....

Когда солдаты доставили останки, Гейн не произнес ни слова. Хотя слезы из его глаз так и не покатались, выражение его лица было печальным и душераздирающим.

Он держал в руке испачканную кровью фотографию и гладил ее снова и снова.....

Затем... в дверь неожиданно позвонили, вошел лейтенант, вежливо повернулся лицом к Гейну и почтительно сказал: «Здравствуйте, высшее начальство только что издало новейший приказ, с этого момента вы вступаете в должность генерала и должны немедленно приступить к исполнению своих обязанностей».

Отказаться было невозможно, и у него даже не было возможности отказаться.

Наблюдая за уходом войск, в момент закрытия двери, мрачный и скорбный взгляд его глаз невозможно было описать словами.

Когда он оглянулся, то посмотрел на него так спокойно, и после долгого, долгого, долгого времени, он медленно сказал слегка охрипшим голосом: «Альфа, прости... клятва... которую я тебе обещал... я не смог... ее сдержать...».

Когда он закончил, его брови глубоко нахмурились, почему-то ему всегда казалось, что он все еще плачет, только слезы никогда не текли из его глаз, а затерялись в каком-то потайном уголке на дне его сердца.

Кто сказал, что плач без слез... самый болезненный?

Его сердце сильно сжалось от этих печальных слов. Глядя на раненого человека перед собой, он снова и снова винил себя: Почему ты был так жесток, почему ты принес ему только... боль...

Как сильно он хотел сказать ему: «На самом деле...тебе не нужно извиняться...потому что... тот, кто обидел...это я...».

Но... он не мог открыть рот...он мог только нежно взять его за руки и утешить его разбитое сердце температурой своей ладони.....

Он сказал ему: «Если...ты не позволяешь себе плакать... тогда... по крайней мере... позволь мне поплакать за тебя...».

Такая нежность была подобна внезапному наводнению, которое в одно мгновение разрушило его последнюю линию обороны.

Беспомощная печаль вылилась наружу, сильная внешность все еще не могла скрыть тысячи

зияющих ран внутри. Через слишком много неудач, его сердце уже устало.

Этой ночи суждено было стать сентиментальной и горькой, он обнимал его, как ребенок, потерявший опору, он все время просил его тепла, словно для того, чтобы растопить холод в его сердце.

А он просто отдавал и отдавал столько, сколько мог, он был готов отдать все, что угодно, если это загладит боль в его сердце...

Однако, даже если рана может быть исцелена, шрамы никогда не исчезнут.....

Когда он мягко прошептал ему на ухо, он извиняюще произнес: «Альфа...пожалуйста.... прости меня...».

Когда он больше не мог подавлять боль в своем сердце, горькие слезы падали как дождь, это было горе, самообвинение...и также молчаливое раскаяние.....

Гейн - тот, кто должен молить о прощении, был я.

В конце концов, он не сказал этого. В темноте серебряный свет луны освещал двух мужчин, как бегущая родниковая вода, испуская последний луч света.

Неважно, как все закончилось...

Травма была неизбежна.

Трагедия... казалось, что с этого момента, уже сделала свои необратимые шаги...

Судьба будущего спокойно смотрела вниз с распростертыми объятиями, ожидая их прихода....

Он что-то пробормотал в полудрёме, а затем раздражённо порылся в своих ящиках. От названия тяжёлого документа, который вскоре мне передали, у меня ёкнуло сердце - "Введение в шифрование и автоматизированную магию"

<http://bllate.org/book/14194/1251079>